

ГЛАВА X

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ

Мы должны были так долго рассматривать возможности имперской группировки, потому что эволюция имперского Государства является доминирующим феноменом современного мира; она правит политическими тенденциями конца девятнадцатого и начала двадцатого веков, как эволюция свободных демократических наций правила эпохой, предшествовавшей нашему времени. Доминантной идеей Французской Революции была формула свободного и суверенного народа, и, вопреки космополитическому элементу, вставленному в революционную формулу идеалом братства, эта идея фактически стала утверждением свободной, независимой, демократически самоуправляемой нации. Во время Великой Войны этот идеал не был полностью осуществлен даже в западном мире; ибо Центральная Европа была только частично демократизирована, а Россия лишь начала поворачиваться лицом к общей цели; и даже сейчас там все еще остаются покоренные европейские народы или их части.¹ Тем не менее, как бы ни несовершенно, идея свободной демократической нации практически восторжествовала во всей Америке и Европе. Народы Азии равно восприняли этот правящий идеал девятнадцатого столетия, и хотя движения демократического национализма в странах Востока, в Турции, Персии, Индии, Китае, не были удачливы в их первых попытках самореализации, глубокая и широко распространяющаяся работа идеала не может подвергаться сомнению ни одним внимательным наблюдателем. Какие бы модификации ни появлялись, какие бы новые тенденции ни вмешивались, какие бы преграды ни вставали, вряд ли можно даже усомниться в том, что принципиальные дары Французской Революции должны остаться и стать универсальными как перманентные приобретения, необходимые элементы в будущем порядке мира, — национальное самоосознание и самоуправление, свобода и просвещение для людей, как и социальное равенство и справедливость, по крайней мере как обязательные элементы политических свобод; ибо демократическое самоуправление несовместимо с любой формой фиксированного и ригидного неравенства.

¹ Это больше не является очевидным фактом, хотя еще может оставаться подмена вассальным зависимым положением.

Но прежде, чем великий импульс девятнадцатого века смог где-то осуществиться, прежде, чем он смог полностью реализоваться даже в Европе, вмещалась новая тенденция и новая идея захватила прогрессивный ум человечества. Это — идеал совершенно организованного Государства. Фундаментально, идеал совершенно организованного Государства является социалистическим, и он основан на втором слове великой революционной формулы, на равенстве, тогда как движение девятнадцатого века было сосредоточено вокруг первого, свободы. Первый толчок, который дал великий европейский сдвиг пластов, достиг только определенного рода политического равенства. Неполное социальное уравнивание еще оставляет незатронутым одно неравенство и одну форму политического превосходства имущих над неимущими, неравенство между более удачливыми в борьбе за существование и менее удачливыми, которое представляется неизбежным из-за различия способностей, воли случая, гандикапа обстоятельств и окружения. Социализм ищет возможности избавиться от этого упорного неравенства разрушением конкурентной формы общества и заменой его кооперативной. Кооперативная форма человеческого общества существовала прежде в форме коммуны; но реставрация коммуны как единицы объединения практически означала бы возвращение к старому городу-государству, и поскольку сейчас это невозможно с более обширными группами и большей комплексностью современной жизни, социалистическая идея может быть реализована только посредством строго организованного национального Государства. Избежать обнищания, не осуществлением грубой идеей о равном вкладе, а общим владением всем имуществом и управлением им организованным Государством, уравнивать шансы и способности, насколько это возможно через всеобщее обучение и воспитание, опять же, средствами организованного Государства, — такова фундаментальная идея современного Социализма. Она подразумевает аннулирование или, по крайней мере жесткое ограничение всех индивидуальных свобод. Демократический Социализм, в действительности, еще цепляется за идею девятнадцатого века о политической свободе; он настаивает на равном праве всех в Государстве избирать, судить и менять свое собственное правительство, но всеми остальными свободами он готов пожертвовать ради своей главной идеи.

Прогресс Социалистической идеи, похоже, ведет к эволюции совершенно организованного национального Государства, которое будет обеспечивать и контролировать образование и воспитание, управлять и руководить всеми экономическими видами деятельности, и для этого, равно как и для гарантии совершенной эффективности, морали, благосостояния и последовательного правосудия, упорядочивать всю или, во всяком случае, большую часть внешней и внутренней жизни индивидов, составляющих общество. Организованный государственный контроль, который более ранние общества пытались осуществить социальным прессингом, фактически приведет к жесткому правлению общепринятого, детального кодекса и Шастры. Это всегда было неотъемлемым и неизбежным развитием революционного идеала. В якобинском правительстве Франции это проявилось сперва под давлением внешней опасности во время “Правления Террора”; это проявилось и стремилось реализоваться под давлением внутренней необходимости на протяжении всей второй половины девятнадцатого века; это проявилось, не полностью, но с первым рудиментарным намеком на полноту при комбинации внутренней и внешней необходимости во время нынешней Войны. То, что было раньше лишь идеалом, на пути к которому были возможны лишь какие-то несовершенные начальные шаги, сейчас стало реализуемой программой, абсолютно осуществимой, что показала убедительная, хотя неизбежно поспешная и несовершенная, практическая демонстрация. Правда, для ее реализации даже политическая свобода была временно упразднена; но это, в чем можно усомниться, является лишь эпизодом, уступкой временной необходимости. В более свободных условиях то, что было сделано частично и временно, может быть сделано полностью и перманентно правительствами, чьи народы согласятся облечь их абсолютным и временно не несущей никакой ответственности властью, когда не будет пресса войны, посредством самоуправляющегося демократического Государства.

В этом случае близкое будущее человеческой группы, похоже, будет заключаться в нации, самоуправляющейся, политической свободной, но ставящей целью совершенную социальную и экономическую организацию и готовой для этого поставить всю индивидуальную свободу под контроль организо-

ванного национального Государства.¹ Как Франция была в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века великим пропагандистом и экспериментатором, работающим над политической свободой и равенством, так Германия в конце девятнадцатого и начале двадцатого столетия стала главным пропагандистом и экспериментатором, работающим над идеей организованного Государства. Там поднялась теория Социализма и там ее пропаганда была наиболее эффективной, так что бóльшая часть нации всецело предалась этому новому евангелию; также и великие социалистические критерии и те, что развили контроль над индивидом со стороны Государства ради общего блага и эффективности нации, там оказались наиболее полно и превосходно продуманы и исполнены. Неважно, что это было сделано анти-социалистическим, милитаристским и аристократическим правительством; сам этот факт является доказательством неотразимой силы новой тенденции, и неизбежная передача административной силы от ее прошлых владельцев народу было всем, что было нужно для полноты ее триумфа.

На протяжении последних десятилетий мы видели рост германских идей и растущую тенденцию следовать германским методам вмешательства Государства и Государственного контроля в других странах, даже в Англии, обители индивидуализма. Разгром Германии в Европейской Войне означал поражение ее идеалов ничуть не более, чем разгром революционной Франции и Франции Наполеона Европейской коалицией и даже временный триумф монархической и аристократической системы означал прекращение распространения ее новых идей по всей Европе. Даже если Германский милитаризм и Юнкеризм и были разбиты, коллапс имперской формы правления мог только ускорить полное развитие и победу того, что работало позади них и принуждало их служить себе, великой современной тенденции совершенно организованного социалистического Государства, в то время как очевидный результат Войны для противостоявших Германии наций толкал их более быстро к тому же самому идеалу.

¹ Это было сделано с удивительным началом полноты в Большевицкой России, Нацистской Германии, Фашистской Италии, и неизбежность этого выбора грозила в одно время распространиться повсюду.

Если бы это было всем, естественное развитие вещей, которому способствовало бы крушение германской формы империализма, логически вело бы к новому порядку мира на базе системы независимых, но все более организованных национальных Государств, сотрудничающих более или менее тесно для достижения интернациональных целей, но сохраняющих свое независимое существование. Таков идеал, который манил человеческий разум как еще далекая возможность с тех пор, как великий революционный фермент был введен в него; это — идея о федерации из свободных наций, парламенте человека, федерации мира. Но реальные обстоятельства лишают всякой надежды любое такой идеальное завершение в ближайшем будущем. Ибо националистические, демократические и социалистические идеи работают в мире не одни; империализм обладает властью наравне с ними. Только немногие европейские народы на данный момент являются нациями, ограниченными самими собой; каждая нация является нацией, свободной в себе, но доминирующей над человеческими группировками, которые не свободны или свободны только отчасти. Даже маленькая Бельгия имеет свое Конго, маленькая Португалия имеет свои колонии, маленькая Голландия — свои подчиненные территории на восточном Архипелаге; даже маленькие балканские государства стремятся возродить “империю” и править другими национальностями или лелеют идею о своем доминировании на Балканах. Италия Маззини пускается на империалистические авантюры и имеет свои интересы в Триполи, Абиссинии, Албании, на островах Греции. Эта империалистическая тенденция, похоже, в будущем станет, скорее, сильнее, чем ослабнет. Идея о переделе даже самой Европы на жестких принципах национальности, которая пленила либеральные умы в Англии в начале Войны, еще не была сделана осуществимой, и даже если бы и была воплощена, оставалась бы еще вся Азия и Африка как поле для империалистических амбиций западных наций и Японии. Бескорыстность, которая склонила большинство американцев к провозглашению свободы Филиппин и сдержала желание извлечь выгоду из беспорядков в Мехико, невозможна для менталитета Старого Света, и есть сомнение, что она сможет долго удержаться даже в Америке против прилива империалистического чувства. Национальный эгоизм, гордость доминирования и желание экспансии все еще правят умом человечества, как бы ни были они модифицирова-

ны в своих методах первыми слабыми началами более высоких мотивов и лучшей национальной моралью, и пока этот дух радикально не изменится, объединение человеческой расы посредством федерации свободных наций должно оставаться благородной химерой.

Без сомнения, свободная ассоциация и объединения должны быть конечной целью нашего развития, и пока она не достигнута, мир будет подвергаться постоянным переменам и революциям. Каждый установившийся порядок, ибо он несовершенен, ибо он настаивает на организации, предполагающей несправедливость или стоящей на пути новых тенденций и сил, ибо он переживает свою полезность и оправдание, должен завершиться недомоганием, сопротивлением и переворотом, должен измениться или быть измененным, или же вести к такому катаклизму, который периодически беспокоит наше человеческое продвижение. Но еще не пришло время, когда истинный принцип порядка может заменить те принципы, которые искусственны и несовершенны. Незачем надеяться на федерацию свободных наций, пока либо нынешние неравенства между нациями не будут удалены, либо пока весь мир не поднимется до общей культуры, основанной на более высоком моральном духовном статусе, чем тот, который имеет место или возможен сейчас. Имперский инстинкт жив, доминирует и сильнее сейчас, чем принцип национализма, по крайней мере эволюция великих империй вряд ли перестанет закрывать своей тенью тенденцию к развитию свободных национальностей. Все, на что можно надеяться, это на то, что старая искусственная, просто политическая империя может быть замещена более истинным и более моральным типом, и что существующие империи, подталкиваемые необходимостью собственного усиления и просвещенным интересом к себе, могут прийти к пониманию, что признание национальной автономии является мудрой и необходимой уступкой витальному инстинкту национализма и может использоваться для усиления, а не ослабления их имперской мощи и единства. В таком случае, раз федерация свободных наций в настоящее время невозможна, система федеральных империй и свободных наций, объединившихся в сообществе более тесном, чем то, что мир видел прежде, вовсе не невозможна; и благодаря этому и другим шагам некая форма политического объединения чело-

вечества может быть реализована в более или менее далеком будущем.¹

Война принесла много намеков на такую более тесную ассоциацию, но, как правило, они были ограничены задачей по лучшей организации международных отношений в Европе. Одним из них было исключение войны более строгим международным законом, за соблюдением которого следил бы международный Суд, который поддерживался бы санкциями наций, который бы навязывался бы ими всеми любому, кто бы его ни преступил. Такое решение будет химерой, если за ним немедленно не последует дальнейшее развитие. Ибо этот закон может быть нарушен альянсом каких-то более мощных Сил, например, коалицией победивших союзников, доминирующей над остальной Европой, или союзом всех Европейских Сил, или же Соединенными Штатами Европы, или еще какой-то формой европейской федерации. Доминирующий альянс великих Сил будет просто повторением принципа системы Меттерниха и неизбежно будет разрушен спустя некоторое время, тогда как европейское объединение будет означать, как показывает опыт, неловкую попытку соперничающих группировок поддержать ненадежное взаимопонимание, которое может отсрочить, но не может эвентуально предотвратить новых столкновений и коллизий. В таких несовершенных системах закону будут повиноваться ровно столько, сколько он будет оставаться удобным, столько, пока Силы, которые возжелают новых перемен и переделок, не совершенных другими, не решат, что настал удобный момент его нарушить. Закон внутри нации поддерживается лишь только потому, что там есть признанная власть, уполномоченная определять его и производить необходимые изменения и обладающая достаточной силой, чтобы карать за все его нарушения. Интернациональный или интеревропейский закон должен обладать теми же инструментами, если он хочет быть чем-то большим, нежели просто моральной силой, которая может быть превращена в ничто

¹ Появление Гитлера и колоссальная попытка Германии добиться мирового доминирования парадоксально помогли — своим поражением — такому объединению, и реакция против них совершенно изменила ситуацию в мире: Объединенные Штаты Европы сейчас являются практической возможностью и начали движение к самоосуществлению.

теми, кто достаточно силен, чтобы бросить ей вызов и кто находит выгоду в его нарушении. Поэтому необходима какая-то форма европейской федерации, как бы неопределенна она ни была, если мы хотим, чтобы идея, стоящая за этими указаниями на новый порядок, стала практически эффективной; и образовавшись, такая федерация неизбежно будет выкристаллизовываться и все более и более приближаться к форме Объединенных Штатов Европы.

Может ли быть сформировано такое европейское объединение и, если оно сформируется, сможет ли оно устоять и совершенствоваться, противостоя многочисленным силам разложения, многочисленным причинам для ссор, которые будут долго испытывать его на прочность, покажет только опыт. Но очевидно, что в настоящем состоянии человеческого эгоизма оно, будучи сформировано, станет крайне могучим инструментом для доминирования и эксплуатации остального мира группой наций, которые на этот момент оказались на переднем крае человеческого прогресса. Это неизбежно пробудит в противовес ему идею об Азиатском объединении и идею об Американском объединении, и тогда, — при том, что такие континентальные группировки, замещающие нынешние меньшие национальные объединения, вполне могут быть шагом вперед к финальному объединению всего человечества, — их реализация все же будет означать катаклизмы, по сравнению с которыми нынешняя катастрофа будет выглядеть пустяком и в которых надежды человечества могут пойти ко дну и, скорее, претерпеть фатальный коллапс, чем прогрессировать ближе к осуществлению. Но главное возражение против идеи об Объединенных Штатах Европы состоит в том, что общий разум человечества уже ищет пути за свои континентальные различия и подчиняет их более обширной человеческой идее. Различие на континентальном базисе, с этой точки зрения, поэтому может быть реакционным шагом самого фатального рода и может сопровождаться самыми серьезными последствиями для человеческого прогресса.

Европа, действительно, пребывает в этом аномальном положении, она готова для Пан-Европейской идеи и в то же время ощущает необходимость перерасти ее. Конфликт двух тенденций не так давно был курьезным образом проиллюстрирован определенными спекуляциями в отношении природы недавнего Европейского конфликта. Внушалось, что грех Германии в этой

Войне состоял в ее преувеличенной эгоистической идее о нации и ее пренебрежении более широкой идеей о Европе, которой эта национальная идея должна быть подчинена и поставлена в зависимое положение. Вся жизнь Европы должна сейчас протекать во всеохватывающем объединении, ее благо должно стоять на первом месте, а эгоизм нации должен согласиться на существование лишь в качестве органической части этого более обширного эгоизма. В результате — приятие после стольких десятилетий идеи Ницше, который настаивал, что национализм и война были анахронизмами и что идеал всех просвещенных умов — быть не хорошими патриотами, а хорошими Европейцами. Но сразу встал вопрос, что тогда делать с возрастающей важностью Америки в мировой политике, с Японией и Китаем, с новой активизацией жизни в Азии? Поэтому автор должен был отступить от своей первой формулы и объяснять, что под европейцем он понимал не Европу, а все нации, которые приняли принципы европейской цивилизации как базис своей политической и социальной организации. Эта более философская формула имела очевидное или, по крайней мере, видимое преимущество, поскольку она вводит Америку и Японию и тем признает все действительно свободные или доминантные нации в круге провозглашаемой солидарности и сохраняет также надежду на приятие других, как только те смогут доказать, силовой ли манерой Японии или иначе, что они тоже подходят под европейский стандарт.

В самом деле, хотя Европа еще весьма обособлена в своей собственной концепции от остального мира, — как иллюстрируется часто выражаемым негодованием в отношении континентального существования Турции в Европе и желанием положить конец этому правлению азиатов над европейцами, — все же, факт состоит в том, что она неразрывно переплетена с Америкой и Азией. Некоторые из европейских наций имеют колонии в Америке, все имеют владения и амбиции в Азии, где одна только Япония стоит за пределами тени, отбрасываемой Европой, или в Северной Африке, которая в культурном отношении едина с Азией. Соединенные Штаты Европы поэтому означали бы федерацию свободных европейских наций, доминирующих над полуподчиненной Азией и владеющих частью Америки и состоящих там в неудобном родстве с нациями, еще свободными и неизбежно задеваемыми, обеспокоенными и затмеваемыми этой гигантской нависшей над ними тучей. Неизбежным ре-

зультатом в Америке стало бы более тесное сближение латинского Центра и Юга с англоязычным Севером и крайний акцент на Доктрине Монро с последствиями, которые трудно предвидеть, тогда как в Азии могли бы быть только один или два исхода этой ситуации, либо исчезновение остающихся свободными азиатских государств, либо обширное азиатское возрождение и отшатывание Европы от Азии. Такие движения были бы пролонгацией старой линии человеческого развития и уничтожили бы новые космополитические условия, созданные современной культурой и наукой; но они неизбежны, если национальная идея на Западе обречена утонуть в европейской идее, то есть, скорее в континентальной идее, чем в более широком осознании человеческой общности.

Если поэтому новый наднациональный порядок должен развиваться рано или поздно как результат нынешнего столкновения, это должно быть объединение, которое включит Азию, Африку и Америку наравне с Европой и которое должно быть по своей природе организацией интернациональной жизни, образованной из множества свободных наций, таких как Швеция, Норвегия, Дания, Соединенные Штаты, Латиноамериканские республики, и множества империалистических и имеющих колоний наций, таких, какими являются большинство народов Европы. Последние должны либо оставаться такими, каковы они есть, сами свободные, но управляющие подчиненными народами, которые со временем будут все меньше и меньше мириться с ярмом, навязанным им, либо, благодаря этическому развитию, которое еще очень далеко от завершения, они станут отчасти центрами свободных федеральных империй, отчасти — нациями опекающими неразвитые нации, пока те не дорастут до способности самоуправления, как это провозглашалось Соединенными Штатами в отношении временного владения Филиппинами. В первом случае объединение, порядок, общий установленный закон будут продолжаться и отчасти основываться на огромной системе несправедливости, подвергаясь бунтам, революциям и мщению Природы, которыми она в конечном итоге отстоит человеческий дух у неправильных движений, с которыми она мирилась какое-то время как с неизбежными эпизодами человеческого развития. Во втором случае будет какой-то шанс, что новый порядок, как бы далеко ни были его начала от конечного идеала свободного объединения свободных человеческих агре-

гатов, может вести мирно и нейтральным разворачиванием духовного и этического прогресса расы к такому надежному, справедливому и здоровому политическому, социальному и экономическому фундаменту, который позволит человечеству повернуться от своей поглощенности этими низшими заботами и начать наконец то развитие своей более высокой самости, которая является более благородной частью его потенциальной судьбы, или же, — ибо кто знает, что долгий эксперимент Природы в человеческом типе предрек на успех или поражение, — по крайней мере самой высокой возможности нашего будущего, которую только может представить человеческий ум.

ГЛАВА XI

НЕБОЛЬШОЕ СВОБОДНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ И БОЛЬШЕЕ КОНЦЕНТРИРОВАННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Если мы рассмотрим возможности объединения человеческой расы в политическом, административном и экономическом аспектах, мы увидим, что какое-то объединение или первый шаг к нему не только возможны, но более-менее настоятельно затребованы чувством необходимости и духом, лежащим в самой сути расы. Этот дух был значительно организован возросшим знанием друг о друге и тесными коммуникациями, частично — развитием более широких и более свободных интеллектуальных идеалов и эмоциональных симпатий в прогрессивном уме расы. Требованию удовлетворить эти идеалы и симпатии мы отчасти обязаны чувству необходимости, отчасти — экономическим и другим материальным переменам, в результате которых обособленная национальная жизнь, война, коммерческая конкуренция и вытекающая из них ненадежность и опасность, грозящая комплексной и легко уязвимой современной социальной организации, становятся понятиями, все более и более утомительными и для экономического и политического человеческого животного, и для идеалистического мыслителя. Этот новый поворот отчасти вызван и желанием преуспевающих наций владеть, пользоваться и эксплуатировать остальной мир с комфортом, без той опасности, которую они создают для себя своей собственной острой конкуренцией и соревнованием, а, скорее, с удобным пониманием и компромиссом между собой. Реальная же сила этой тенденции лежит в ее интеллектуальных, идеалистических и эмоциональных частях. Ее экономические причины отчасти перманентны и поэтому являются элементами силы и надежного осуществления, отчасти искусственны и временны, и поэтому являются элементами ненадежности и слабости. Политические стимулы являются наименее благородной частью в амальгаме; их присутствие может даже испортить весь результат и привести в конце к неизбежному распаду и отмене всего, чего бы объединение ни достигло первоначально.

Все же, тот или иной результат возможен в относительно близком или отдаленном будущем. Мы можем посмотреть, в каких направлениях он, похоже, будет осуществляться, если бу-

дет осуществляться вообще, — сперва своего рода пониманием и инициальным объединением под нажимом самых общих нужд, организацией коммерции, организацией механизма регуляции войны и мира, организацией общего арбитража по решению спорных вопросов, организацией правопорядка в мире. Незрелые начальные организации, будучи принятыми, естественно разовьются под нажимом правящей идеи и врожденной необходимости до более тесного объединения и даже, вероятно, по истечении значительного времени, в общее верховное правительство, которое может оставаться, пока дефекты установленной системы и подъем других идеалов и тенденций, несовместимых с ней, не приведут либо к новой радикальной перемене, либо к ее полному распаду на нейтральные элементы и составные. Мы видели также, что такое объединение, похоже, должно прийти на базисе нынешнего мира, отчасти модифицированного переменами, сейчас неизбежными, — международными переменами, которые, похоже, будут, скорее, относиться к механизмам регуляции, чем являться введением нового радикального принципа и социальных перемен, значительно более богатого характера, внутри самих наций. То есть, будет иметь место объединение между нынешними свободными нациями и империями-метрополиями, но со внутренней организацией общества и административной формацией, быстро прогрессирующими к строгому Государственному социализму и равенству, от которых выиграют главным образом женщина и рабочий. Ибо это — основные тенденции часа. Безусловно, никто не может уверенно заявить, что этот час будет триумфально превалировать надо всем будущим. Мы не знаем, какие сюрпризы великой человеческой драмы, какие бурные возрождения старой национальной идеи, какие коллизии, падения, неожиданности встретятся на пути осуществления этих новых социальных тенденций, каким будет бунт человеческого духа против тягостного и механического Государственного коллективизма, каков будет рост и возможная сила евангелия философского анархизма, призванного утвердить неискоренимое стремление человека к индивидуальной свободе и свободному самоосуществлению, какие непредвиденные религиозные и духовные революции могут вмешаться в сам ход этого нынешнего движения рода человеческого и повернуть его к совершенно иной развязке. Человеческий ум еще не достиг того

знания или надежной науки, которыми он мог бы уверенно предсказать даже свой завтрашний день.

Однако, давайте предположим, что никакого такого неожиданного фактора не возникнет. Тогда некоего рода политическое объединение человечества может быть достигнуто. Еще остается вопрос, желательно ли, чтобы оно было достигнуто так и сейчас, и если да, то в каких обстоятельствах, с какими необходимыми условиями, при отсутствии которых достигнутый результат может быть только временным, как в случае предыдущих частичных объединений человечества. Прежде всего, давайте вспомним, какой ценой человечеству давались более широкие объединения, которых оно достигало в прошлом. Недавнее прошлое, действительно, создало для нас нацию, нейтральную гомогенную империю из наций, родственных в своей расе и культуре и объединенных географической необходимостью и взаимным притяжением, и искусственные гетерогенные империи, укрепляемые завоеванием, поддерживаемые силой, ярмом закона, коммерческой и милитаристской колонизацией, но еще не сплоченные в истинных психологических объединениях. Каждый из этих принципов агрегатов дал некое актуальное зерно или некую возможность для прогресса человечества в целом, но каждый привнес с собой свою преходящую или свои врожденные недостатки и нанес какой-то ущерб общему человеческому идеалу.

Создание нового объединения, когда оно следует за внешними и механическими процессами, обычно, и в действительности всегда, в силу практической необходимости, должно проходить через процесс внутреннего сжатия, прежде чем объединение сможет снова позволить себе новую и свободную экспансию своей внутренней жизни, ибо его первоочередная нужда и инстинкт — сформировать и обеспечить надежность своего собственного существования. Добиться своего объединения — его преобладающий импульс, и ради этой первоочередной потребности оно должно жертвовать разнообразием, гармоничной комплексностью, богатством разностороннего материала, свободой внутренних отношений, без которых истинное совершенство жизни невозможно. Чтобы добиться крепкого и надежного объединения, оно должно создать высший орган, концентрированную Государственную силу, используя для этого царя, милитаристскую аристократию, плутократию или другой правящий класс, которым права и свободная жизнь индивида, общества,

города, региона или любого иного меньшего объединения должны быть подчинены и принесены в жертву. В то же самое время, существует тенденция вести к сильно механизированному и жесткому состоянию общества, создавать порой иерархию классов или сословий, в которой низшим уготованы более низкое положение и долг и более узкая жизнь, чем для высших, такую, как иерархия монарха, духовенства, аристократии, среднего класса, крестьянства, слуг, которая сменила в Европе богатое и свободное существование города и рода, или же жесткую кастовую систему, как та, что сменила в Индии открытое и естественное существование энергичных арийских кланов. Более того, как мы уже видели, активное и стимулирующее участие всех или большинства в полноте энергии общественной жизни, которая была великим достижением маленьких, но свободных более ранних обществ, гораздо труднее в более обширных агрегатах и сперва невозможно. Вместо этого там имеет место концентрация силы жизни в доминантном центре или, самое большее, правящего и руководящего класса или классов, тогда как великая масса общества оставлена в относительном ступоре и довольствуется только минимумом и косвенным соучастием в этой жизни — настолько, насколько той позволено просачиваться свыше и косвенным образом задевать более грубую, более бедную и более узкую жизнь внизу. По крайней мере, это — феномен, который мы видим в историческом периоде человеческого развития, который предшествовал и вел к созданию современного мира. Также и в будущем может ощущаться нужда в концентрирующей и формообразующей ригидности, служащей прочному формированию и консолидации новых политических и социальных форм, которые занимают или займут его место.

Маленькие человеческие сообщества, где все могли играть активную роль и в которых идеи и движения быстро и живо ощущались всеми и могли быть быстро осуществлены и обрести форму, не нуждаясь в обширной и трудной организации, естественным образом поворачиваются к свободе, как только их перестает занимать первая поглощающая необходимость самосохранения. Такие формы, как абсолютная монархия или деспотическая олигархия, непогрешимое Папство или священный теократический класс, не могут вольготно процветать в таком окружении; им не достает той дистанции от массы и той удаленности от сцены, на которой они выставляют

себя для ежедневной критики индивидуального ума, от которых зависит их престиж, и для собственного оправдания у них нет потребности в единообразии, остро ощущавшейся бы широкими массами или на обширных территориях, потребности, которую они стремятся установить и поддержать. Поэтому мы находим в Риме монархический режим, не способный поддержать себя, а в Греции выглядящий неестественной и недолговечной узурпацией, тогда как олигархическая форма правления, хотя и более энергичная, не может обеспечить себе, кроме как в чисто милитаристских сообществах, как в Спарте, ни высокого и исключительного превосходства, ни длительного существования. Тенденция к демократической свободе, где каждый человек принимает естественное участие как в гражданской жизни, так и в культурных институтах Государства, имеет равный голос при определении закона и политики и принимает такое участие в их осуществлении, какое может быть дано ему его правом гражданина и его индивидуальной способностью, — эта демократическая тенденция является врожденной по духу и неотъемлемой по форме для города-государства. В Риме эта тенденция равно имела место, но не могла развиваться так быстро или осуществлять себя с такой полнотой, как в Греции из-за потребностей милитаристского и завоевывающего окружающий мир Государства, которое нуждалось либо в абсолютном главе, *императоре*, или в маленьком олигархическом органе для руководства его внешней политикой и милитаристским поведением; но даже здесь демократический элемент присутствовал всегда и демократическая тенденция была столь сильна, что она начала действовать и расти почти с доисторических времен, даже во время постоянной борьбы Рима за сохранение и экспансию, и была приостановлена лишь такими напряженными усилиями, как великая дуэль с Карфагеном за средиземноморскую империю. В Индии ранние объединения были свободными обществами, в которых царь был только милитаристским или гражданским начальником; мы находим демократический элемент, упорствующий во времена Будды и выживший в маленьких Государствах в дни Чандрагупты и

Мегастенеса,¹ даже когда великие бюрократически правящие монархии и империи сменили более раннюю свободную политику. И только в пропорции с тем, как потребность в более обширной организации индийской жизни на всем полуострове или, по крайней мере, в северной его части, стала ощущаться все больше, в стране появилась форма абсолютной монархии и ученая и жреческая каста навязала свое теократическое доминирование над общественным разумом, а ее негибкая Шастра стала связующим звеном социального объединения и национальной культуры.

¹ *Мегастенес (Megasthenes. 350-290 гг. до н.э.) — дипломат, посланный из Древней Греции в Индию к царю Чандрагупте и впоследствии описавший Индию в наиболее полном для тех времен, хотя зачастую и неточном, четырехтомном труде.*

Чандрагупта. Древнеиндийский правитель, основатель династии и государства Маурьев в 321 — 297 гг до н.э. Захватил престол в Магадхе, расширил свои владения на всю Северную Индию и присоединил к ним некоторые сопредельные территории, став первым царем Индии, объединившим большую ее часть под одним правлением.

Чандра Гупта родился в семье, лишенной средств к существованию из-за смети его отца, главы Маурьев, погибшего в пограничной стычке. Его дядя по материнской линии оставил его пастуху. Тот принял его как родного сына. Позднее, купленный брахманским политиком Чанакьей (Каутильей), он оказался в Таксиле (ныне — Пакистан), где получил образование, изучая военную тактику и эстетические искусства. Традиция утверждает, что когда он следовал на встречу с Александром Великим, во время сна лев начал лизать его, мягко разбудил и вызвал в нем надежды на царскую судьбу. По совету Чанакьи он собрал наемников, заручился общественной поддержкой и покончил с аристократией династии Нандьев в кровавом сражении с их силами, возглавляемыми Бхаддасалом.

Взойдя на трон в Магадхе (современный Бихар) в 325 году, Чандра Гупта уничтожил источники силы Нандов и устранил оппозицию, действуя по хорошо спланированным административным схемам, которые включали эффективную секретную службу. Когда Александр Македонский умер в 323 году, двое его последних представителей в Индии вернулись домой, оставив Чандра Гупту воевать с Пенджабом в 322. На следующий год он, как император Магадхи и правитель Пенджабов, основал династию Маурьев (Мауга). Расширяя свою империю до границ Персии, он разгромил в 305 году нападавшие армии греческого претендента на бывшую азиатскую империю Александра Великого. Затем Чандра Гупта расширил свою империю на юг, подчинив всю Индию со своей 600 тысячной армией. Занимая пространства от Гималайских гор и Кабульской долины (ныне — Афганистан) до южных границ Индии, Империя Чандра Гупты была одной из самых обширных в истории. Ее существование на протяжении жизни по крайней мере двух поколений может объясняться ее администрацией, сделанной по образцу администрации персидской династии Ахеменид (559-330 гг. до н.э.) и политических текстов Чанакьи — Артахашастры.

Как в политической и гражданской, так и в социальной жизни. Определенное демократическое равенство почти неизбежно в маленьком сообществе; противоположный феномен сильных классовых различий и привилегий может установиться во время милитаристской стадии клана или племени, но не может долго поддерживаться в тесной взаимосвязи сформированного города-государства, кроме как искусственными средствами, такими, к каким прибегали Спарта и Венеция. Даже когда отличие остается, его исключительность притупляется и не может углубляться и интенсифицироваться до природы фиксированной иерархии. Естественный социальный тип маленького сообщества — это тот тип, который мы видим в Афинах, где не только Клеон, кожевник, имел такое же сильное политическое влияние, как и высокорожденный и богатый Нисиас, и где высшие органы и гражданские функции были открыты для людей всех классов, но где и в социальных функциях и связях тоже были свободные отношения и равенство. Мы видим сходное демократическое равенство, хотя и иного типа, в ранних записях об Индийской цивилизации. Жесткая иерархия каст с претензиями и высокомерием кастового духа было позднейшим развитием; в более простой жизни древности различие или же превосходство в функциональном отношении не несло с собой чувство персонального или классового превосходства: в начале самые священные, религиозные и социальные функции, функции Риши и приносящего жертву, похоже, были открыты для людей всех классов и занятий. Сила теократии, касты и абсолютной монархии возрастала *pari passu*,¹ как Церкви и монархии — в средневековой Европе под принуждением новых обстоятельств, созданных ростом обширных социальных и политических агрегатов.

Общества, чья культура развивалась в этих условиях ранних греческих, римских и индийских городов-государств и кланов-наций, неизменно развивали общую интенсивность жизни и динамичную силу культуры и творчества, от которых позднейшие агрегаты должны были отказаться и которые они смогли открыть заново после долгого периода собственного формирования, в течение которого им приходилось встречать и преодолевать трудности, сопровождающие развитие нового организма.

¹ постепенно (лат)

Культурная и гражданская жизнь греческих городов, из которых Афины были высшим достижением, жизнь, в которой процесс самой жизни был образованием, где беднейший, как и богачейший, сидели вместе в театре, чтобы смотреть и оценивать драмы Софокла и Еврипида, а афинский торговец и лавочник принимали участие в тонких философских беседах Сократа, создала для Европы не только ее фундаментальные политические типы и идеалы, но, практически, все ее базовые формы интеллектуальной, философской, литературной и артистической культуры. Равно интенсивная политическая, правовая и военная жизнь одного города в Риме создала для Европы ее типы политической активности, военной дисциплины и науки, юриспруденцию закона и равенства и даже ее идеалы империи и колонизации. И в Индии именно ранняя интенсивность духовной жизни, отблески которой мы улавливаем в ведической, буддистской литературе, литературе Упанишад, создала религиозные, философские, духовные дисциплины, которые с тех пор прямым и косвенным влиянием распространили свой дух и знание на Азию и Европу. И везде корень этой свободной, общей и широко пульсирующей витальной и динамичной силы, которую современный мир лишь сейчас так или иначе открывает заново, был среди всех различий одним и тем же; это было полное участие не только ограниченного класса, но и индивида в многосторонней жизни общества, чувство, которое было у каждого, наполненности общей энергией и определенной свободой роста, свободы быть собой, достигать, мыслить, созидать в не скованном плотинами половодье этой универсальной энергии. Именно это условие, эти отношения между индивидом и агрегатом, современная жизнь попыталась до какой-то степени восстановить в неуклюжей, топорной и несовершенной манере, но со значительно более обширными силами жизни и мысли, имевшимися в ее распоряжении, чем те, которыми могло управлять раннее человечество.

Возможно, если бы древние города-государства и кланы-нации смогли бы выжить и модифицироваться так, чтобы создать более обширные агрегаты, не утрачивая при этом свою собственную жизнь в новых массах, многие проблемы были бы решены с гораздо большей простотой, прямым видением и истинными отношениями с Природой, которые мы должны сейчас установить очень комплексным и громоздким образом, под-

вергаясь риску великих опасностей и мировых конвульсий. Но этого не произошло. Эта ранняя жизнь обладала витальными дефектами, которые она не смогла излечить. В случае средиземноморских наций необходимо было сделать два важных исключения для общего участия всех индивидов в полной гражданской и культурной жизни сообщества; ибо в этом участии отказано было рабу и вряд ли оно вообще было доступно узкой жизни, предоставленной женщине. В Индии институт рабства практически отсутствовал и женщина обладала сперва более свободным и достойным положением, чем в Греции и Риме; но вместо раба там вскоре появился пролетарий, называвшийся в Индии Шудрой, и растущая тенденция отказывать Шудре и женщине в высших достижениях общей жизни и культуры сбросила индийское общество на уровень ее западных сородичей. Возможно, что эти две великие проблемы экономического рабства и подчинения женщины и могли бы быть атакваны и разрешены в раннем обществе, если бы оно прожило дольше, как они атакваны и находятся в процессе разрешения в современном Государстве. Но это сомнительно; только в Риме мы замечаем определенные инициальные тенденции, которые могли повернуться в данном направлении, и они никогда не заходили дальше слабых намеков на будущую возможность.

Более значимой была полная неудача этой ранней формы человеческого общества разрешить вопрос взаимоотношения между одним сообществом и другим. Война оставалась их нормальными взаимоотношениями. Все попытки создать свободную федерацию провалились, и военное завоевание осталось как единственное средство объединения. Привязанность к маленькому агрегату, в котором каждый человек ощущал свою жизнь наиболее полной, породила своего рода ментальную и витальную островную замкнутость, которая не уживалась с новыми и более широкими идеями, привносимыми философией и политической мыслью, движимыми импульсом более широких нужд и тенденций, в жизнь. Поэтому древние Государства должны были раствориться и исчезнуть, в Индии — в огромных бюрократических империях Гупты и Маурья, за которыми последовали Патан, Могол, Англичанин, на Западе — в обширных милитаристских и коммерческих гигантах, организованных Александром, карфагенской олигархией, Римской республикой и империей. Последние были не национальными, а супранациональными.

ми объединениями, преждевременной попыткой слишком обширной унификации человечества, которая в действительности не могла быть осуществлена с какой-либо завершенностью до полного и жизнеспособного развития промежуточных национальных объединений.

Создание национального агрегата было поэтому оставлено на тысячелетие, которое последовало за коллапсом Римской Империи; и чтобы разрешить проблему, оставленную ему, мир в течении этого периода должен был отступить от многих, а в действительности — от большинства, плодов, которые были достигнуты для человечества городами-государствами. Только после того, как эта проблема была решена, стало возможным какое-либо реальное усилие, направленное на развитие не только прочно организованного, но и прогрессирующего и все более совершенствующего общества, не только твердой формы социальной жизни, но и свободного роста и полноты самой жизни в этой форме. Мы должны вкратце изучить этот цикл, прежде чем сможем рассмотреть, не грозит ли вмешательству нового усилия в более обширный агрегат опасность нового отступления, в котором внутренний прогресс расы, по крайней мере временно, должен быть принесен в жертву, чтобы сконцентрироваться на усилиях по развитию и утверждению массивного внешнего объединения.

ГЛАВА XII

АНТИЧНЫЙ ЦИКЛ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО ИМПЕРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ — СОВРЕМЕННЫЙ ЦИКЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Мы видели, что построение истинного национального объединения было проблемой человеческой агрегации, оставленной античным миром средневековому. Античный мир стартовал с племени, города-государства, клана, маленького регионального государства — все они были небольшими объединениями среди других подобных объединений, схожих с ними в общем типе, обычно родственных по языку и чаще всего или очень часто — по расе, отличающимися от остальных делений человечества, по крайней мере, тенденцией к общей цивилизации и защищенными в этом сообществе друг другом, а в своем отличии от других — благоприятными географическими условиями. Так, Греция, Италия, Галлия, Египет, Китай, Персия, Индия, Аравия, Израиль, все начинали со свободного культурного и географического скопления, которое сделало их обособленными и определенными культурными единицами, прежде чем они смогли стать национальными единицами. Внутри этого свободного объединения племя, клан, город или региональное государство формировали в смутной массе столько точек отдельной, энергичной и компактной единицы, что они, действительно, ощущали все более и более мощно расхождение и противостояние своего более широкого культурного единства остальному миру, но часто — и гораздо ближе и резче — свои собственные расхождения, контрасты и противостояния. Там, где это чувство локальной особенности было наиболее острым, там проблема национальной унификации неизбежно оказывалась более сложной, и ее разрешение, когда оно происходило, имело тенденцию быть более иллюзорным.

В большинстве случаев делалась попытка разрешить проблему. В Египте и Иудее разрешение было успешно найдено даже в тот античный цикл исторической эволюции; но в последнем случае — безусловно, а в первом — вероятно, результат во всей своей полноте пришел только жесткой дисциплиной подчинения иностранному ядру. Там, где этой дисциплины не доставало, там, где национальная единица определенным образом организовыв-

валась изнутри, — обычно через завоевание остальных одним сильным кланом, городом, региональным государством, таким как Рим, Македония, горскими кланами Персии, — новое Государство, вместо того, чтобы подождать, когда его база прочно достигнет своего осуществления, и вместо того, чтобы заложить фундамент национального объединения глубоко и надежно, сразу забегало вперед мимо своей насущной в данный момент потребности и пускалось в карьеру завоевателя. До того, как психологические корни национального единства прорастали вглубь, до того, как нация начинала уверено осознавать самое себя, непреодолимо овладевала своим единством и непобедимо привязывалась к нему, правящее Государство, принуждаемое милитаристским импульсом, который заводил его так далеко, сразу пытались сформировать подобными средствами более обширный имперский агрегат. Ассирия, Македония, Рим, Персия, позднее — Аравия, все последовали одной и той же тенденции и тому же циклу. Великое нашествие гаэльской расы на Европу и Западную Азию и последующие распад и упадок Галлии были, вероятно, вызваны тем же феноменом и произошли из-за еще более незрелой и плохо сформированной унификации, чем в Македонии. Все становилось стартовой точкой великих имперских движений, прежде чем достигало краеугольного камня надежно отстроенных национальных единиц.

Поэтому эти империи не могли долго существовать. Некоторые просуществовали дольше других, потому что они заложили более прочный фундамент в центральном национальном объединении, как это сделал в Италии Рим. В Греции Филипп, первый объединитель, сделал быстрый, но несовершенный эскиз унификации, возможность быстроты которого была создана предшествующим и еще более неопределенным спартанским господством; и последуй за ним наследник, скорее, с терпеливым талантом, чем человек с богатым воображением и высоким гением, этот первый грубый, практический набросок мог бы заполниться, усилиться и стать работой на долгие времена. Тому, кто сперва опирается на широкий диапазон и скорость, всегда нужен в качестве преемника человек, скорее, с талантом или гением организатора, чем со стремлением к экспансии. Смена Цезаря Августом означала работу массивной долговечности, смена Филиппа Александром принесла в результате очень важное достижение для мира, но само по себе бывшее просто великоле-

нием мимолетного блеска. Рим, которому Природа не дала ни одного человека с гением командира, пока он надежно не унифицировал Италию и не заложил базис своей империи, оказался способен строить значительно прочнее; тем не менее он основал эту империю не как центр и главу великой нации, а просто как доминирующий город, использующий подчиненную Италию как трамплин, чтобы броситься и подчинить окружающий мир. Поэтому он должен был столкнуться с гораздо более трудной проблемой ассимиляции, проблемой национальной туманности, и сформировать или положить начало культурам, отличным от своей собственной, прежде чем он достиг и научился применять к новой проблеме искусство полной и абсолютной унификации в меньшем, более тонком масштабе, прежде чем он сплотил в один живой национальный организм, более не Римский, а Итальянский, различные местные элементы, предложенные гаэльским, латинским, умбрийским, осканским и греко-апулейским факторами в античной Италии. Поэтому, хотя римская империя и просуществовала несколько веков, она достигла этой консервации во времени за счет энергии, виталитета и внутренней силы, она не достигла ни национального объединения, ни долговечного имперского объединения, и подобно другим античным империям, она должна была претерпеть коллапс, чтобы уступить место для новой эры истинного национального строительства.

Необходимо подчеркнуть, в чем заключалась ошибка. Административная, политическая, экономическая организация человечества в агрегатах большего или меньшего размера — это работа, которая относится в своей основе тому же рангу феноменов, что и создание живых организмов в физической Природе. Иными словами, она использует преимущественно внешние и физические методы, управляемые принципами физической жизненной энергии, предназначенные для создания живых форм, хотя ее внутренняя задача — вывести, проявить и запустить в надежную работу надфизический, психологический принцип, латентный позади операций жизни и тела. Построить сильное и долговечное тело и организовать жизненные функции для отдельного, мощного, хорошо сосредоточенного вокруг центра и хорошо рассредоточенного корпоративного эго — в этом и состоит вся цель и метод. В этом процессе, как мы уже видели, первые маленькие отдельные объединения формируются в большем и менее определенном объединении; они обладают сильной пси-

хологической сущностью и хорошо развитым телом и витальным функционированием; однако в большей массе психологическое чувство и витальная энергия, хотя и присутствуют, но не организованы и не обладают силой определенного функционирования, а тело является непостоянной текучей величиной или полутуманностью, или, самое большее, полужидкой, полутвердой массой, скорее плазмой, чем телом. Оно должно быть сформировано и организовано; прочная физическая форма должна быть сделана для него, достаточно определенное витальное функционирование и ясная психологическая реальность, самоосознающая и ментальная воля-к-существованию.

Так формируется новое более обширное объединение; и оно вновь находит себя в числе меньших объединений, на которые оно смотрит сперва как на враждебные и совершенно отличающиеся от него, затем вступает в своего рода сообщество, при всех отличиях, с ними, пока мы снова не находим повторяющийся изначальный феномен меньших отчетливых объединений в более широком и неясном объединении. Содержащиеся объединения становятся больше и комплекснее, чем до того, содержащее объединение тоже становится больше и комплекснее, чем до того, но суть остается — и та же проблема встает для своего разрешения. Так, в начале имел место феномен городов-государств и региональных народов, сосуществующих как не объединенные части неясного географического и культурного объединения, Италии или Эллады, и там стояла проблема создания эллинской или итальянской нации. Затем на смену ему пришел феномен национальных объединений, сформированных или формирующихся, сосуществующих как отчетливые части неопределенного географического и культурного объединения, сперва христианского мира, затем — Европы, которое, хотя и не раз задумывалось отдельными государственными мужами или политологами, никогда не достигало своего завершения и даже не прошло первых шагов к нему. Прежде, чем его трудности смогли быть разрешены, современное движение со своей унифицирующей силой предложило нам новый и более комплексный феномен множества национальных единиц и имперских единиц, собранных в неопределенное, но с растущей жизненной взаимозависимостью и коммерческими тесными связями человечество, и сопутствующая проблема унификации человечества уже затмила неосуществленную грезу об унификации Европы.

В физической Природе витальные организмы не могут жить, всецело завися только от самих себя; они живут либо взаимодействием с другими витальными организмами, либо отчасти этим взаимодействием, отчасти — пожиранием других; ибо это — процессы ассимиляции, общие для обособленной физической жизни. В унификации жизни, с другой стороны, возможна ассимиляция, которая идет за пределы этой альтернативы либо поглощения одного другим, либо постоянной обособленности, которая ограничивает ассимиляцию до взаимного получения энергий, которую одна жизнь отдает другой. Вместо этого возможна ассоциация сообществ, сознательно починяющихся основному сообществу, развивающемуся в процессе их объединения. Некоторые из них, действительно, убиваются и используются как материал для новых элементов, но все не могут подвергаться подобному обращению, все не могут быть поглощены одним доминантным сообществом; ибо в этом случае имеет место не унификация, не создание большего сообщества, не продолжающаяся более великая жизнь, а только временное выживание пожирателя перевариванием и утилизацией энергии пожираемого. В унификации человеческих агрегатов это, в таком случае, тоже является проблемой, как подчинить объединения-компоненты новому объединению, избежав их гибели и исчезновения.

Слабость старых имперских объединений, образованных завоеванием, состояла в том, что они тяготели к уничтожению меньших объединений, которых они ассимилировали, как это делал имперский Рим, и превращению их в пищу для жизни доминантного органа. Галлия, Испания, Африка, Египет были подобным образом убиты, превращены в мертвую материю, а их энергия была забрана в центр, в Рим; так империя стала великой убивающей массой, которой жизнь Рима питалась несколько столетий. Однако при таком методе истощение жизни в подчиненных частях должно закончиться тем, что прожорливый центр лишится всяких источников для новых запасов энергии. Сперва лучшие интеллектуальные силы побежденных провинций текли в Рим, их витальная энергия вливалась в него огромные пополнения военной силы и способности управления, но в конечном итоге и та, и другая иссякли, и, сперва интеллектуальная энергия Рима, а затем его милитаристская и политическая способность умерли посреди общей смерти. И Римская цивилизация не прожила бы так долго, если бы не новые идеи и мотиви-

рующие силы, которые она получала от Востока. Этот взаимобмен, однако, не обладал ни живостью, ни постоянством, которые характерны для входящих и исходящих вечно новых потоков мысли и мотивов жизни в современном мире, и он не мог реально оживить низкий виталитет имперского тела, ни даже серьезно задержать процесс его разложения. Когда римская хватка разжалась, мир, который она так крепко стискивала, долго оставался огромным, великолепно декорированным, величественно организованным мертвым при жизни и не способным ни на новую организацию, ни на саморегенерацию; виталитет мог быть возвращен только через вторжение энергичного варварского мира с равнин Германии, задунайских степей и пустынь Аравии. Разложение должно было предшествовать более здоровому строительству.

В средневековый период национального строительства мы видим, что Природа исправила эту более раннюю ошибку. Когда мы говорим об ошибках Природы, мы, в действительности, используем оборот речи, незаконно заимствованный из нашей человеческой психологии и опыта; ибо в Природе нет ошибок, а есть только взвешенная мера в сделанных и в повторно пройденных шагах в ритме-прообразе, каждый из которых имеет свое значение и свое место в деятельности и реакции ее постепенного продвижения. Сокрушающая доминанта римской униформности была средством — не средством убить навсегда, а средством обескуражить экспансивный обособленный виталитет прежних меньших единиц, чтобы, когда они снова оживут, они не представляли бы непреодолимых препятствий на пути роста истинного национального объединения. Что простое национальное объединение может утратить, не пройдя через эту жестокую дисциплину, — оставляя в стороне опасность, которую та несет, подлинной смерти, как в ассирийском и халдейском мире, и равно оставляя в стороне духовные и прочие дары, которые были бы возможны, если бы ее удалось избежать, — нам показано на примере Индии, где империи Маурья, Гуптов, Андхров, Моголов, огромные, могучие и хорошо организованные, никогда не достигали успеха, проезжая катком по слишком независимой жизни подчиненных сообществ — от деревенской общины до географических или языковых регионов. Ей потребовался пресс правления, ни местного по своему происхождению, ни локально сосредоточенного, доминирование иностранной нации, совер-

шенно чуждой в своей культуре и морально вооруженной против симпатий и притягательности индийской культурной атмосферы, чтобы сделать за одно столетие эту работу, которую не смогли завершить две тысячи лет ее более вольного империализма. Такой процесс неизбежно подразумевает жестокое и часто опасное давление и разрушение старых институтов; ибо Природа, уставшая от упрямой неподвижности вековечного сопротивления, похоже, мало заботится о том, как много прекрасных и драгоценных вещей она разобьет, пока ее главная цель не будет выполнена: но можно быть уверенным, что если разрушение произошло, то потому, что это разрушение было абсолютно необходимо для этой цели.

В Европе, после того, как давление Рима было удалено, город-государство и региональная нация выжили как элементы нового созидания; но за исключением одной страны и, что достаточно курьезно, в самой Италии, город-государство не оказал реального сопротивления процессу национальной унификации. Мы можем приписать его интенсивное возрождение в Италии двум обстоятельствам, во-первых, преждевременному Римскому притеснению античной свободной городской жизни в Италии, прежде чем она реализовала все свои возможности, и, во-вторых, тому, что она выжила в зачаточном виде благодаря и затянувшейся гражданской жизни самого Рима, и упорному в итальянских муниципиях чувству сепаративной жизни, подавленной, но не вытравленного полностью из существования, как это было с сепаративной клановой жизнью Галии и Испании или с сепаративной городской жизнью Греции. Так, психологически, итальянский город-государство и ни умер удовлетворенный и осуществившийся, и ни был непоправимо разрушен; он выжил в новых инкарнациях. И то, что он выжил, было бедственным для национальной жизни Италии, хотя это и было неизмеримым благом и достижением для культуры и цивилизации мира; ибо как городская жизнь Греции создала, так и городская жизнь Италии открыла заново, возобновила и дала нашему времени в новой форме искусство, литературу, мысль и науку греко-римского мира. Везде город-сообщество выжил только в форме свободных или полусвободных муниципалитетов средневековой Франции, Фландрии и Германии; и они никоим образом не были препятствием для унификации, скорее, они помогали сформировать подсознательный базис для нее, тем временем своими бо-

гатыми импульсами и свободным движением мысли и искусства препятствуя средневековой тенденции к интеллектуальному однообразию, стагнации и обскурантизму.

Старые кланы-нации погибли, за исключением таких стран, как Ирландия и Северная и Западная Шотландия, которые не прошли через римское давление, и там это оказалось таким же фатальным для унификации, как и город-государство в Италии; они мешали Ирландии развить организованное сообщество, а кельтам северо-западной Шотландии объединиться с англо-кельтской шотландской нацией, пока ярмо Англии не оказалось на них и не сделало то, что сделало бы римское правление, если бы оно не ограничило свою экспансию в пределах Грампианских гор и ирландских морей. В остальной Западной Европе работа, сделанная римским правлением, была столь надежна, что даже подчинение западных стран племенами-нациями Германии не смогло оживить старой, весьма заметной и упрямо сепаративной нации-клана. Вместо нее она создала в Германии региональные царства, а во Франции и Испании — федеральные и провинциальные единицы; но только в Германии, которая как Ирландия и Северо-западная Шотландия не носила римского ярма, эта региональная жизнь оказалась серьезным препятствием для унификации. Во Франции она, похоже, некоторое время мешала ей, но в действительности сопротивлялась лишь столько, чтобы стать ценной как элемент богатства и разнообразия в финальном французском сообществе. Беспрецедентное совершенство этого сообщества — знак тайной мудрости, скрытой в продолжительном процессе, который мы наблюдаем на протяжении истории Франции, который представляется поверхностному взгляду таким горестным и приводящим в смущение, таким долгим чередованием анархии с федеральным или монархическим деспотизмом, таким отличным от постепенного, равномерного и гораздо более упорядоченного развития национальной жизни Англии. Но в Англии необходимое разнообразие и богатство конечного организма было обеспечено иным образом — великим различием между расами, которые формировали новую нацию, и упорством Уэльса, Ирландии и Шотландии как сепаративных культурных единиц с подчиненным субординации осознанием самих себя в большем объединении.

Европейский цикл национального строительства отличается поэтому от античного цикла, который вел от региональ-

ного государства и города-государства к империи, во-первых, в том, что он не перескочил к большому объединению мимо необходимой насущной агрегации, во-вторых, в своем медленном и созревающем продвижении через три последовательные стадии, благодаря чему единицы-объединения, став составными элементами большего объединения, оказались при этом застрахованными от опасности быть преждевременно убитыми или излишне подавленными со стороны инструментов унификации. Первая стадия прогрессировала через долгое балансирование между центростремительной и центробежной тенденциями, в котором федеральная система обеспечила принцип порядка и свободного, однако органичного объединения. Вторая стадия была движением унификации и возрастающего единообразия, в котором повторялись определенные черты античной имперской системы Рима, но не с такой сокрушительной силой и истощающей тенденцией. Она была отмечена сперва созданием метрополии-центра, который начал тянуть к себе, как Рим, лучшие жизненные энергии всех остальных частей. Второй особенностью был рост абсолютистской суверенной власти, чья функция заключалась в том, чтобы навязать юридическое, административное, политическое и лингвистическое единообразие и централизацию национальной жизни. Третьим знаком этого движения было установление правящего духовного главы и тела, которые служили тому, чтобы навязать сходное единообразие религиозной мысли и интеллектуального образования и мнения. Этот унифицирующий пресс, зайдя он слишком далеко, мог бы закончиться разрушительно, как Рим, если бы не третья стадия бунта и диффузии, которая разрушила или подчинила эти инструменты, феодализм, монархию, Церковную власть, как только их работа была сделана, и заменила их новым движением, направленным на распространение национальной жизни через надежную и хорошо организованную политическую, правовую, социальную и культурную свободу и равенство. Ее задачей должна была быть попытка, направленная на то, чтобы в современной нации также, как и в античном городе, все классы и все индивиды могли пользоваться плодами и участвовать в свободной энергии реализованного национального существования.

Третья стадия национальной жизни пользуется преимуществами объединения и достаточного единообразия, созданными второй, и способна благополучно утилизировать заново воз-

возможности региональной и городской жизни, спасенные от полного разрушения, первой. Благодаря этим ступеням национального прогресса, сегодня становится все более возможным рассматривать, где и если это кому-то угодно или нужно, идею о федеративной нации и федеральной империи, надежно основанной на фундаментальном и хорошо реализованном психологическом объединении; в действительности, это уже было почти достигнуто в простом виде в Германии и в Америке. Также мы можем сейчас безопасно двинуться, если захотим, к частичной децентрализации через субординацию правительств, коммун и провинциальных городов, что может помочь излечить болезнь чрезмерной метропольной абсорбции лучших национальных энергий и способствовать их свободной циркуляции через множество центров и сплетений. В то же время, мы ожидаем организованного использования Государства, разумно представляющего всю сознательную, активную и витализированную нацию, как средства для совершенства жизни индивида и общества. Такова та точка, которой развитие национального агрегата достигло в данный момент, когда мы снова поставлены лицом к лицу либо, в соответствии с тенденциями будущего, с более широкой проблемой имперского агрегата, либо с еще более широкими проблемами, созданными растущим культурным объединением и коммерческой и политической взаимозависимостью всего человечества.

ГЛАВА XIII. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ — ТРИ СТАДИИ

Три стадии развития, которые отметили средневековую и современную эволюцию национального типа, могут рассматриваться как естественный процесс, где новая форма объединения должна была быть создана в комплексных условиях и из гетерогенного материала процессом, скорее, внешним, чем внутренним. Этот внешний метод всегда пытается втиснуть психологическое состояние людей в измененные формы и привычки, скорее, прессом обстоятельств и институтов, чем прямым созданием нового психологического состояния, которое бы, наоборот, развивало свободно и гибко свои собственные подходящие ему и полезные социальные формы. В таком процессе, по самой природе вещей, должен быть сперва своего рода вольный, но все же достаточно принудительный порядок в обществе и общий тип цивилизации, служащий как каркас или леса, в которых поднимется новое сооружение. Затем должен прийти естественным образом период строгой организации, служащей для объединения и централизации контроля и, возможно, общего уравнивания и единообразия под этим центральным руководством. Наконец, чтобы новый организм не закоснел и не превратился в стереотип, если он должен быть живым и энергичным созданием Природы, тогда должен прийти третий период свободного внутреннего развития, как только формация становится надежной и объединение превращается в ментальную и витальную привычку. Эта более свободная внутренняя активность, застрахованная в своей сути и базисе сформировавшимися потребностями, идеями и инстинктами сообщества, больше не будет нести в себе опасность беспорядка, развала или остановки уверенного роста и формирования организма.

Форма и принцип первой, более вольной, системы должны зависеть от прошлой истории и современных условий, в которых пребывают ее элементы, которые должны будут впаляться в новое объединение. Примечательно, что и в Европе, и в Азии имела место общая тенденция, — в которой мы не можем проследить какого-либо тесного взаимобмена идеями и которую должны, поэтому, приписать деятельности одной и той же естественной причины и потребности, — к эволюции обще-

ственной иерархии, основанной на разделении в соответствии с четырьмя различными социальными типами деятельности: духовной функцией, политической властью и двойной экономической функцией коммерческого производства и обмена и зависимого труда или службы. Прорабатываемые дух, форма и баланс очень отличались в разных частях света в соответствии со склонностями общества и обстоятельствами, но изначальный принцип был почти идентичен. Мотивирующей силой везде была потребность в большой эффективной форме общей социальной жизни, отмеченной фиксированностью статуса, посредством которой индивидуальные и мелкие коллективные интересы могли быть ограничены ярмом достаточного религиозного, политического и экономического объединения и тождественности. Примечательно, что исламская цивилизация с ее доминантным принципом равенства и братства в вере и с ее курьезным институтом рабства, который не мешал рабу подняться даже на трон, никогда не смогла развить такую форму общества и не смогла, вопреки тесным контактам с политической и прогрессивной Европой, развить сильные и живые, хорошо организованные и сознательные национальные объединения, даже после распада империи халифов; и только сейчас под прессом современных идей и условий это начало делаться.

Но даже если эта подготовительная стадия и была эффективно осуществлена, дальнейшие стадии вовсе не обязательно последуют за нею. Феодалный период Европы со своими четырьмя сословиями — духовенством, королем и дворянством, буржуа и пролетариатом — был достаточно схож с четырьмя индийскими сословиями, состоявшими из классов жрецов, военных и коммерсантов и Шудр. Индийская система получила свою характерную печать от идей иного порядка, заметно более религиозных и этических, чем политических, социальных и экономических; но все же, практически, доминирующая функция системы была социальной и экономической, и на первый взгляд, похоже, не было причин, почему за нею не должна была последовать, насколько бы ни отличалась она в деталях, и сходная эволюция. Япония со своим великим феодальным порядком под духовным и мирским правлением Микадо и впоследствии двойным правлением Микадо и Сегуна развила одно из самых энергичных и самосознательных национальных объединений из всех, которые мир когда-либо видел. Китай со своим великим просве-

щенным классом, объединившем в себе одну и функцию Брамину, и функцию Кшатрия, функции духовного и мирского знания и исполнительной власти, со своим Императором и Сыном Небес в качестве главы и типа национального объединения, преуспел в том, чтобы стать объединенной нацией. Иные результаты в Индии, независимо от прочих причин, были обусловлены иной эволюцией социального порядка. Везде эта эволюция поворачивалась в направлении мирской организации и руководства; она создавала внутри самой нации ясное политическое самоознание и как следствие — либо подчинение духовенства военным и администраторам, либо их равенство, либо даже слияние под общим духовным и мирским главой. В средневековой Индии, напротив, она повернула к социальной доминанте жреческого класса и замене общего политического сознания сознанием общим духовным как базисом национального чувства. Никакого долговечного мирского центра развито не было, не было никого великого главы — императора или царя, который своим престижем, силою, древностью рода и претензией на общее почтение и повиновение мог бы перевесить или же просто уравновесить этот жреческий престиж и преобладание и породить чувство политического единства наравне с чувством духовного и культурного единства.

Борьба между церковью и монархическим Государством является одной из самых важных и жизненных особенностей в истории Европы. Закончился этот конфликт противоположным результатом, будущее всего человечества было бы в опасности. Церковь была вынуждена отречься от своего требования на независимость и доминирование над мирской властью. Даже в нациях, которые оставались католическими, факт реальной независимости и доминирования мирской власти был доказан достаточно; ибо король Франции осуществлял контроль над галликанской церковью и духовенством, что делало всякое сколько-либо эффективное вмешательство Папы во французские дела невозможным. В Испании, вопреки тесному союзу между Папой и Королем и теоретическому признанию полного духовного авторитета первого, в действительности, именно мирской глава определял церковную политику и задавал тон Инквизиции. В Италии непосредственное присутствие духовного главы католицизма в Риме оказалось великим моральным препятствием для развития политически объединенной нации; страстная реши-

мость свободных итальянских народов утвердить своего короля в Риме была реальным символом того закона, что осознающая себя и политически организованная нация может иметь только одну верховную и центральную власть, и это должна быть власть мирская. Нация, которая достигла или только достигает этой стадии, должна либо отделить религиозные и духовные требования от своей мирской и политической жизни индивидуализацией религии, либо она должна объединить то и другое альянсом между Государством и Церковью, чтобы поддержать единую власть мирского главы или комбинировать духовное и мирское руководство в одной власти, как это было сделано в Японии и Китае и в Англии времен Реформации. Даже в Индии люди, которые сперва развили какое-то национальное самоосознание, не носившее преимущественно духовного характера, были раджутами, особенно Невара, для которых раджа был во всех отношениях главою общества и нации; и народом, который, достигнув национального самоосознания, максимально приблизился также и к организованному политическому объединению, были сикхи, для которых Гуру Говинд Сингх умышленно определил общий мирской и духовный центр в Кхалсе, и махратты, которые не только установили мирского главу, представителя сознательной нации, но и сами настолько переместились к мирскому полюсу, что, как бы, вся нация без разбору, Брамин и Шудра, стали на время народом солдат, политиков и администраторов.

Иными словами, институт фиксированной общественной иерархии, тогда как он представляется необходимой стадией для первых тенденций национальной формации, должен модифицироваться и подготовить свой собственный распад, если должны быть достигнуты более поздние стадии. Как инструмент, хороший для определенной работы и при определенных условиях, если он еще сохраняется, когда должна быть сделана другая работа и при сменившихся условиях, он неизбежно становится препятствием. Необходимым направлением был переход от духовной власти одного класса и политической власти другого к централизации общей жизни эволюционирующей нации, скорее, под мирским главой, чем под религиозным, или, если религиозная тенденция в народе слишком сильна, чтобы отделять вещи духовные от мирских, тогда под национальным главой, который представлял бы власть в обоих департаментах.

Для создания политического самоосознания, без которого никакое отдельное национальное объединение не могло успешно сформироваться, особенно необходимо было, чтобы чувства, все виды деятельности, инструменты, подходящие для его создания, заняли на это время ведущую и все прочие позиции и поддерживали его. Церковь или доминантная жреческая каста, оставаясь в рамках своей собственной функции, не могут сформировать организованное политическое объединение нации; ибо они руководствуются не политическими и не административными соображениями и от них не стоит ожидать, что они подчинят подробным соображениям свои собственные характерные для них чувства и интересы. Дело может обстоять иначе только в том случае, если религиозная каста или жреческий класс станут также, как в Тибете, действительно правящим политическим классом страны. В Индии доминирование касты, руководствующейся жреческими, религиозными и частично духовными интересами и соображениями, касты, которая властвовала над мыслью и обществом и определяла принципы национальной жизни но, в действительности, не управляла и не администривала, всегда стояло на пути развития, по которому последовали более секуляризированные европейские и монгольские народы. Это только сейчас, после прихода европейской цивилизации, когда браминская каста не только утратила лучшую часть своей эксклюзивной власти над национальной жизнью, но в значительной степени секуляризировалась сама, выход вперед политических и мирских соображений, пробуждение распространяющегося политического самоосознания и организованного объединения нации, отличного от духовного и культурного единства, стали возможными фактически, а не только как неофрмленная подсознательная тенденция.

Второй стадией развития национального объединения была, в таком случае, такая модификация социальной структуры, которая освободила место для мощного и зримого центра политического и административного объединения. Эта стадия неизбежно сопровождается сильной тенденцией к отмене даже таких свобод, какие предоставляет фиксированная социальная иерархия и концентрации власти обычно в руках хотя бы доминирующего, если не абсолютно монархического правительства. Благодаря современным демократическим идеям монархическую власть терпят лишь как недействующего номинального главу или

как слугу Государственной жизни, или как удобный центр исполнительной администрации, она больше не необходима как реальный контролер; но историческая важность сильной монархической власти в эволюции национального типа, какой она действительно развивалась во времена средневековья, была огромной. Даже в свободолюбивой, островной и индивидуалистической Англии Плантагенеты и Тюдоры были реальным и активным ядром, вокруг которого нация росла, обретая прочную форму и зрелую силу; и в континентальных странах роль, сыгранная Капетингами и их наследниками во Франции, Кастильским Домом в Испании и Романовыми и их предшественниками в России, еще более заметна. В последнем из этих примеров можно было бы даже в определенном смысле сказать, что без Иванов, Петров и Екатерин не было бы России. И даже в нынешние времена почти средневековая роль, которую играют Гогенцоллеры в унификации и росте Германии, наблюдалась с тревожным удивлением демократическими народами, для которых подобный феномен был уже непонятен и казался вряд ли серьезным. Но мы можем отметить также аналогичный феномен в первом периоде формации новых наций на Балканах. Поиски монарха для централизации и содействия их росту, несмотря на все странные комедии и трагедии, которые сопровождали его, становятся совершенно понятны как манифестация чувства старой потребности, не столь действительно острой сейчас,¹ но оставленной в подсознательных умах этих народов. В новом формировании Японии в нацию современного типа Микадо играл сходную роль; инстинкт реставратора вывел его из его бессильного уединения навстречу этой внутренней потребности. Попытка недолгой диктатуры в революционном Китае превратиться в новую национальную монархию может быть вполне отнесена к тому же чувству в практическом уме, равно как и к просто персональной амбиции.² Именно ощущение этой великой роли, которую иг-

¹ Сейчас замененной духовно-политическим руководством почти полубожественного Лидера в лице Фюрера, который как бы воплотил в себе персональность нации.

² Следует заметить, что даже демократический идеализм современного ума в Китае был вынужден кристаллизироваться вокруг «лидера», Сунь Ят Сена или Чан Кай Ши, и сила его вдохновения зависела от силы этого живого центра.

рала монархия в централизации и формировании национальной жизни на самой критической стадии ее роста, объясняет тенденцию, общую на Востоке и отчасти присутствующую на Западе, наделять эту монархию почти священными качествами; это объясняет также почти страстную лояльность, с которой великие национальные династии или их наследники служили ей даже в момент ее вырождения и упадка.

Но это движение национального развития, как бы ни было оно благотворно в своей специфической роли, почти фатально сопровождалось там подавлением внутренних свобод народа, которое делает современный ум столь естественно, хотя и не научно, суровым в своем суде над старым монархическим абсолютизмом и его тенденциями. Ибо это — всегда именно движение концентрации, строгости, униформности, жесткого контроля и однонаправленности; ибо универсализовать один закон, одно правило, одну центральную власть — вот та нужда, которую он должен встречать, и поэтому его духом должна была быть принуждающая и централизующая авторитарность, сужение или полное подавление свободы и свободной вариации. В Англии период Новой Монархии от Эдварда IV до Елизаветы, во Франции великий бургонский период от Генриха IV до Луи XIV, в Испании эпоха, которая растянулась от Фердинанда до Филиппа II, в России правление Петра Великого и Екатерины — это было время, когда эти нации достигли своей зрелости, полностью сформировались, укрепили свой дух и добились прочной организации. И все они были периодами абсолютизма или движения к абсолютизму и определенного основания единообразия или попытки основать его. Этот абсолютизм, уже покрывал своими более примитивными платьями воскресающую идею о Государстве и его праве навязывать свою волю жизни, мысли и сознанию народа, чтобы сделать его одним целым, единым, неделимым, совершенно эффективным и в совершенстве руководимым умом и телом.¹

Именно с этой точки зрения мы наиболее разумно будем понимать попытку Тюдоров и Стюартов навязать и монархическую авторитарность, и религиозное единообразие народу

¹ Что сейчас проиллюстрировано с интересной полнотой в России, Германии и Италии — тоталитарная идея.

и улавливать реальный смысл религиозных войн во Франции, католическое монархическое правление в Испании с его зверским методом Инквизиции и деспотическую волю абсолютных царей в России навязать также и абсолютную национальную Церковь. В Англии это усилие не преуспело, потому что после Елизаветы оно не отвечало ни какой подлинной необходимости; ибо нация уже была хорошо сформирована, сильна и застрахована от разрушения извне. В других местах оно преуспело — и в протестантских, и в католических странах, или в редких случаях, как в Польше, где это движение не смогло появиться либо потерпело поражение, результат был губительный. Безусловно, оно было везде насилием над человеческой душой, но оно было вызвано не какой-то природной злобностью правителей; это была неизбежная стадия формирования национального объединения политическими и механическими средствами. Если оно оставило Англию единственной страной в Европе, где свобода могла прогрессировать естественными постепенными шагами, это в значительной степени, без сомнения, было вызвано сильными особенностями народа, но еще в большей степени — его удачливой историей и островным положением.

Монархическое Государство в этой эволюции разрушило или подчинило религиозные свободы людей и создало подчиненное или лояльное церковное сословие жрецов его божественного права, сделало Религию служанкой мирского трона. Оно разрушило свободы аристократии и оставило ей ее привилегии, и даже те допускались только потому, что могли поддерживать и подкреплять силу монарха. После использования буржуазии против дворянства, оно уничтожало, где могло, ее реальные и живые гражданские свободы и разрешала только некую внешнюю форму и части ее особого права и привилегии. Что до народа, он не имел свобод, которые нужно было бы разрушать. Это монархическое Государство концентрировало в своих собственных делах всю национальную жизнь. Церковь служило ему своим моральным влиянием, дворяне — своими воинскими традициями и способностью, буржуазия — талантом или крючкотворством своих законников и литературным гением или административной способностью своих ученых, мыслителей и людей со врожденными коммерческими способностями; народ платил налоги и служил своей кровью персональным и национальным амбициям монарха. Но вся эта могучая структура и сплоченный

порядок был обречен самим своим триумфом и ему было предопределено развалиться с треском или посредством более или менее неохотного отречения перед лицом новых потребностей и средств. Его терпели и поддерживали, пока нация ощущала, сознательно или подсознательно, свою нужду и оправдания ему; как только эта нужда была удовлетворена и исчезла, неизбежно поднялись и старые поиски, которые, теперь совершенно самосознательные, не могли быть более подавлены и которым нельзя было более постоянно сопротивляться. Изменение старого порядка в простое подобие монархии разрушило саму ее основу. Духовенческая власть Церкви, будучи подвергнута сомнению на духовной основе, не могла долго поддерживаться мирскими средствами, мечом и законом; аристократия, сохраняющая свои привилегии, но утрачивающая свои реальные функции, стала ненавистной и не заслуживающей доверия для классов снизу; буржуазия, осознающая свой талант, раздраженная своим социальным и политическим униженным положением, разбуженная голосом своих мыслителей, подняла движение бунта и возвала к помощи простонародья; массы — немые, подавленные, страдающие — поднялись с этой новой поддержкой, в которой им отказывали раньше, и перевернули всю социальную иерархию. Отсюда — разрушение старого мира и рождение новой эпохи.

Мы уже видим внутреннее оправдание этому великому революционному движению. Национальное объединение сформировалось и существует не просто ради существования; его цель — обеспечить более обширную форму человеческого объединения, в которой раса, а не только классы и индивиды, может двинуться к своему полному человеческому развитию. Так долго, пока труд формирования продолжается, это более обширное развитие может сдерживаться, а власть и сословие приниматься как предмет первоочередного внимания, но не когда агрегат уверен в своем существовании и чувствует потребность внутренней экспансии. Тогда старые оковы должны быть разорваны; средства формирования должны быть отброшены как препятствия росту. Свобода тогда становится лозунгом расы. Сословие духовенства, которое подавляло свободу мысли и новое этическое и социальное развитие, должно лишиться своей деспотической власти, чтобы человек мог быть ментально и духовно свободен. Монополии и привилегии короля и аристократии должны быть разрушены, чтобы все могли принять участие в национальной

силе, процветании и активности. Наконец, буржуазный капитализм должен быть склонён или принуждён согласиться на экономический порядок, в котором страдание, бедность и эксплуатация будут исключены и богатство общества будет более равномерно использоваться всеми, кто помогает создавать его. Во всех этих направлениях люди должны занять свое подобающее место, реализовать звание и свободу человечества в себе и играть свою роль на уровне своих самых высоких возможностей.

Поскольку свободы недостаточно и справедливость тоже необходима и становится настоящим требованием, поднимается крик о равенстве. Безусловно, абсолютное равенство не существует в этом мире; но это слово направлено против несправедливости и излишних и ненужных проявлений неравенства старого социального порядка. В таком же социальном порядке должна быть равная возможность, равное образование для всех, чтобы все могли развить свои способности и использовать их, и настолько, насколько это возможно, должно быть равное пользование достижениями коллективной жизни как право всех, кто делает вклад в существование, энергию и развитие этой жизни, используя свои способности. Как мы уже отмечали, эта нужда может принять форму идеала свободной кооперации, которой руководит и которой помогает мудрая и свободная центральная власть, выражающая общую волю, но в действительности это превращалось в старое представление об абсолютном и эффективном Государстве — больше не монархическом, церковном, аристократическом, а о мирском, демократическом и социалистическом — со свободой, принесенной в жертву потребности в равенстве и эффективности сообщества. Психологические причины этого превращения мы сейчас рассматривать не будем. Вероятно, свобода и равенство, свобода и власть, свобода и организованная эффективность не смогут быть удовлетворительным образом примирены, пока человек, индивидуальный и общественный, живет эгоизмом, пока он не сумеет претерпеть великую духовную и психологическую перемену и подняться за пределы просто коллективного сообщества до того третьего идеала, смутное внутреннее ощущение которого заставляло революционеров-мыслителей Франции добавлять к своим лозунгам свободы и равенства величайший из трех, хотя сейчас еще являющийся пустыми словами на устах человека, идеал братства или, менее сентиментально и более истинно выраженный, внутреннего

единства. Ни один механизм, социальный, политический, религиозный никогда не создавал и не может создать его; он должен родиться в душе и подняться из скрытых и божественных глубин внутри.